

Глава 13. Костяная демоница под пеленой дождя

На стыке лета и осени воздух всё ещё дышал удушливым зноем, так что гроза разразилась без предупреждения. Вместе с хлынувшим ливнем от берегов реки поползла белёсая дымка. Она медленно растекалась между деревьями, затягивая лес призрачной, зыбкой пеленой.

Цзи Цин никогда не отличался талантом к гаданию и предсказаниям, а потому и не подозревал о приближении ненастья. Они с попутчиком пробыли на горе от силы четверть часа, как вымокли до нитки. Дождь расходился всё сильнее, горная тропинка превратилась в скользкое месиво, и даос решил спуститься в поисках укрытия, а заодно, если повезёт, изловить парочку демонов.

В том, что в своё время с первого яруса Башни Подавления Демонов сбежала нечисть, была и его вина. Нефритовая подвеска-указ, которую Юэлао доставил от Нефритового императора, прямо велела Цзи Цину вернуть всех беглецов обратно в темницу либо изловить равное им число других тварей. Вот только с тех пор, как даос воротился из Яньчэна, ему не попалось ни единого беса — точно вся нечисть разом сквозь землю провалилась. Но сейчас, под покровом ливня и в сгущающихся сумерках, демоны наверняка должны были выползти из своих убежищ. Лучшего времени для охоты нельзя было и пожелать.

Этот день задумывался как приятная прогулка в горы ради любования цветами, но разверзшиеся хляби небесные застали какую-то знатную барышню врасплох прямо на склонах горы Лунной Реки. Слуги с грехом пополам вынесли её паланкин к подножию, но идти дальше под стеной воды было выше их сил. Кое-как добравшись до заброшенного храма у самых городских стен, они решили переждать грозу.

Носилки затащили прямо под своды главного зала. Промокший насквозь, жалкий слуга подбежал сзади, откинул занавеску и помог госпоже выйти наружу. Девушка в длинном платье цвета озёрной глади носила сложную причёску «облачные виски», придававшую её облику кротость и нежность. Пускай черты её лица казались заурядными, живой, лукавый блеск в глазах с лихвой восполнял этот недостаток.

Барышня опустилась на плетёный соломенный мат, вытащила из-за пояса шёлковый платок и, промокнув выступившую на лбу испарину, с досадой проворчала:

— И дернул же меня чёрт сегодня выбраться из дому! Какое невезение — попасть под такой ливень.

Стоявший подле неё слуга достал из паланкина Веер Персикового Цвета. Обмахивая госпожу, он заискивающе пролепетал:

— Не извольте гневаться, барышня. В начале осени дожди короткие — налетят и пройдут. Глядишь, скоро совсем утихнет.

Девушка вырвала веер из его рук, обмахнулась сама пару раз и приказала:

— Матушка сказывала, будто на горе Лунной Реки живут бессмертные. Ступай-ка на улицу да нарви мне Травы Исполнения желаний. Я поднесу её духам, авось они внемлют моим сокровенным помыслам.

Слуга бросил тоскливый взгляд во двор, где стеной лил безжалостный дождь. В душе он взвыл от неохоты, но вслух поспешно поддакнул и стремглав выскочил наружу. Ворвавшись в плотную пелену ливня, парень набросил полы халата на голову и принялся пристально вглядываться в прибитую к земле траву. Служанка Чуньтао сегодня осталась в поместье, так что капризы этой избалованной госпожи приходилось исполнять ему одному.

«Будь она неладна, — обречённо подумал он. — Прикажи эта капризная девчонка хоть в чан с кипящим маслом прыгнуть — пришлось бы подчиниться».

Погружённый в унылые думы, он незаметно убрёл довольно далеко, добравшись до берега Лунной реки. Парень брёл вдоль кромки воды, низко опустив голову; холодные струи стекали с волос по лицу за шиворот, но он даже не пытался их вытирать.

Вдруг вдали глухо ухнуло, а следом небосвод расколола ослепительная молния. Вспышка на мгновение залила мертвенно-белым светом весь берег. Парень вскинул голову и обомлел: неподалёку, у самой воды, сквозь водяную завесу проступал зыбкий силуэт. Женская фигура, гибкая и манящая, плавно покачивалась в такт доносившемуся сквозь шум дождя тихому, жалобному плачу.

Слуга сглотнул вставший в горле ком и, сиюсь побороть внезапный страх, крикнул в пустоту:

— Эй! Чьих будете, барышня?

Грохот капель, яростно хлеставших по размокшей земле, мгновенно поглотил его голос. Не дождавшись ответа, парень сделал несколько нерешительных шагов вперёд. По мере того как он приближался, сквозь густую пелену тумана проступили очертания алого платья и рассыпанных по плечам длинных, до самого пояса, чёрных волос.

Неизвестная стояла под проливным дождём и безутешно рыдала. Она глядела на тёмные речные воды, скрыв лицо от случайного прохожего. Взгляд парня невольно скользнул вниз, к её ногам, обутом в расшитые шёлком туфли с узором из пионов. Ткань насквозь пропиталась водой, и из неё, окрашивая раскисшую грязь, медленно сочилась густая алая жидкость.

Почуввав чужое присутствие, незнакомка медленно повернула голову. Из-под мокрых прядей на испуганного слугу уставился обнажённый, омытый дождём череп. Тварь глухо проскрежетала:

— Наконец-то... Заждалась я тебя.

Ливень бушевал ещё около часа и наконец иссяк. На землю опустились серые безрадостные сумерки. Су Юэчай стояла под покосившимся карнизом заброшенного храма, раздражённо обмахиваясь Веером Персикового Цвета. На её капризном лице читалась крайняя досада. Надо же было выбраться из дома именно в такой проклятый день! Да и этот олух А-Сы хорош: неужто так трудно нарвать несчастной травы? Дождь давно прошёл, к чему теперь эти подношения богам?

Швырнув веер другому слуге, девушка нетерпеливо махнула рукой:

— Возвращаемся.

Спорить с разгневанной барышней никто не осмелился. Пока Су Юэчай забиралась в паланкин, старший из носильщиков тревожно вгляделся в сгущающуюся тьму за воротами. Потерявшегося А-Сы нигде не было видно. Вздохнув, он махнул остальным — пора трогаться.

Но не успели они сделать и шага к выходу, как облупившиеся красные ворота храма с грохотом захлонулись. В багровых отсветах угасающей зари прямо из воздуха во двор рухнула алая тень. Лицо прищелицы являло собой жуткое зрелище: сквозь клочья гниющей плоти проглядывал оскаленный белый череп. Из её горла вырвался сухой, клокочущий смех, и тварь стремительно ринулась на перепуганных людей.

В империи Великая Ся каждый слышал леденящие душу сказы о костяных демонах, но воочию их не видел никто — просто потому, что свидетели не доживали до рассвета. Поговаривали, что эти монстры рождаются в древних склепах из останков замученных женщин. Чаще всего ими становились несчастные невольницы, которых хоронили заживо вместе с их господами.

Обречённые на вечное заточение в загробной тьме, их души не могли покинуть усыпальницы. Столетиями они блуждали во мраке, пока не находили подходящие кости, чтобы заново собрать себе подобие тела. Обретя осязаемую форму, костяные девы выбирались в мир живых и принимались пожирать людскую плоть и кровь, отчаянно цепляясь за призрачный шанс воскреснуть.

В земной жизни Хуа Тянь была обычной служанкой в богатом поместье. Красивую девушку заметил престарелый хоу и сделал своей наложницей. Но старик при жизни натворил немало зла; чёрная скверна подточила его силы, и вскоре он слёг с неизлечимой хворью. Страшась одиночества в загробном царстве, перед смертью хоу велел мастеру гробниц подготовить погребение так, чтобы утащить за собой всех женщин из своего гарема. Несчастную Хуа Тянь, едва достигшую возраста девичьего расцвета, замуровали в каменном склепе, где она и задохнулась в страшных муках.

Обида на жестокую судьбу долго жгла её изнутри. Однако за долгие века, проведённые в шкуре чудовища, воспоминания стёрлись, а бывшая ярость превратилась в безликую, слепую злобу на всё живое.

Взглянув на свои ладони, на которых уже начала нарастать молодая плоть, Хуа Тянь попыталась улыбнуться обрубками мёртвых губ. Когда-то, служа в поместье, она больше всего восхищалась руками хозяйки. Каждое утро, причёсывая госпожу, Хуа Тянь заворожённо следила, как тонкие пальцы с ярко-алыми ногтями скользят по антрацитовым прядям. Тогда предел её мечтаний ограничивался желанием выкрасить ногти багряным соком и стать законной наложницей господина.

Уставившись пустыми глазницами на замерших от ужаса слуг, Хуа Тянь уяснила: прежней девичьей доле не бывать. Но раз уж ей суждено остаться демоном, она станет самой прекрасной из всех тварей поднебесной.

Сорвавшись с крыши, она коршуном рухнула вниз. Тяжёлая, удушливая демоническая аура мгновенно затопила монастырский двор. Увидев летящую на него тварь с костяными руками и лезвиями зазубренных когтей, старший слуга обмяк. Ноги его подкосились, и он с глухим стоном выронил из ослабевших рук тяжёлое коромысло.

Остальные носильщики замешкались. Рухнувший паланкин подмял их под себя, а одного бедолагу наотмашь перетянуло тяжёлым деревянным брусом, отчего тот сразу потерял сознание.

Она без труда пробила грудную клетку старшего слуги острыми костяными пальцами. Хуа Тянь поднесла окровавленную ладонь к лицу, неторопливо слизнула багровую жижу и одним махом проглотила всё ещё трепещущую плоть.

— Столько лет во мраке... Наконец-то я могу пировать! — проскрежетала она.

Изувеченное тело мужчины безвольно повалилось в грязную лужу. На глазах у выживших плоть несчастного усохла и почернела, за считанные мгновения превратившись в иссушённый скелет.

Слушая доносящиеся снаружи истошные крики, Су Юэчай сжалась в комок, боясь даже шелохнуться. Паланкин лежал на боку, и сквозь щели в полу внутрь затекала грязная вода, смешанная с кровью. Она пачкала подол её лазурного платья, но девушка не смела даже вздохнуть, до боли зажав рот ладонями. Сомнений не оставалось: на них напал демон.

Её давешние слова о живущих на горе небожителях были правдой лишь наполовину. Матушка действительно рассказывала ей об этом в детстве, но умалчивала о другом: гора Лунной Реки издавна кишела кровожадными тварями. И пускай старые предания гласили, что сильные духи давно перебиты бессмертными, реальность оказалась куда страшнее. Дрожащими руками сжимая висевший на шее нефритовый амулет, бледная как полотно Су Юэчай проклинала собственное упрямство и капризы, заставившие её покинуть безопасные стены родного дома.

Быстро расправившись с остальными мужчинами и осушив их до капли, Хуа Тянь с наслаждением облизала пальцы. Давно она так сладко не столовалась. Напитанное свежей кровью тело под алым шёлком налилось упругой силой, а уродливые костяные провалы на лице

начали затягиваться молодой нежной кожей.

Любуясь своими ладонями, которые теперь ничем не отличались от человеческих, костяная дева неторопливо вытащила из рукава изящный платок и принялась тщательно стирать бурые пятна с пальцев. В её угасающей памяти смутно всплыли изысканные манеры покойной хозяйки — та поступала точно так же.

Бросив окровавленный лоскут на землю, Хуа Тянь устремила взор на перевёрнутый паланкин. Из-под шёлкового полога доносился едва уловимый, сладкий аромат девичьего тела. Кровь юной девственницы была для неё лучшим лекарством — без неё былую красоту было не вернуть.

Тем временем сумерки окончательно сгустились над горой, и затяжной дождь сошёл на нет. Цзи Цин неторопливо шагал по размокшей лесной тропе. Он буквально кожей ощущал волны безмолвной ярости, исходившие от семенившего позади пушистого комка. Даос лишь мысленно разводил руками — его ли вина, что тучи рассеялись так же внезапно, как и набежали?

Поровнявшись с речным обрывом, Ху Цзюмин резко замер, приподняв испачканную в грязи лапу. Место это было ему отлично знакомо: именно здесь его когда-то настиг настырный заклинатель по имени Фан Синьтянь. Но лис остановился вовсе не ради воспоминаний. Его тонкое обоняние уловило едва заметную струйку свежей крови и шлейф въедливой, до боли знакомой демонической ауры.

Не успел лис и глазом моргнуть, как шедший впереди даос бесследно растаял в воздухе. Ощутив едва уловимое колебание пространства, Ху Цзюмин рванул следом за ним. Если опоздает, все сливки достанутся этому святоше!

Влажный ветер трепал мокрые пряди чёрных волос Цзи Цина, когда тот стрелой взмыл ввысь, оставив несчастного лиса барахтаться внизу.

«Бросил меня здесь одного, бездушный сухарь! — со злостью подумал Ху Цзюмин. — В гробу я видал эту сырость!»

В сердцах осыпая даоса проклятиями, лис в третий раз угодил лапой в глубокую грязную лужу. Не выдержав, он подпрыгнул, на лету принял человеческий облик и устремился в погоню.

Пролетая над верхушками деревьев, Цзи Цин заметил в низине заброшенный храм, затерявшийся среди густых зарослей. Сквозь листву едва угадывались очертания почерневших деревянных ворот, но даже сквозь закрытые двери наружу просачивался плотный, удушливый запах чудовищной скверны.

<http://bllate.org/book/20393/2134743>